

ИСТОРИЯ

Великий печальник за Отечество. Патриарх Гермоген

С. Э. Цветков*

Аннотация. Статья посвящена жизни и деятельности Патриарха Гермогена (ок. 1530–1612), сыгравшего ключевую роль в событиях Смутного времени в качестве вдохновителя национального сопротивления польско-литовским интервентам.

Ключевые слова: династия Романовых; польско-литовская интервенция; Русская Православная Церковь; Рюриковичи; Смутное время.

Великая Смута начала XVII в. была тяжелейшим испытанием для русского народа. Она обернулась годами горьких оскорблений национального достоинства и православной веры, поколебав до основания государственные и духовные устои русской жизни. Сама дальнейшая судьба России была поставлена под вопрос, — казалось, что Москва, а вместе с ней и вся Русская земля разделит участь первого и второго Рима. Но дух единения русского народа оказался сильнее. Вдохновителем всероссийского сопротивления интервентам и изменникам стал Святейший Патриарх Гермоген (в церковном написании Ермоген) — пастырь, полагавший душу свою за овец, «стоятель против врагов крепкий... обличитель предателей и разорителей христианской веры». В его лице Русская Церковь исполнила свой христианский долг, призвала и привела русских людей к спасению Отечества и веры.

Все жизнеописания святителя Гермогена начинаются с того момента, как он переступил порог пятидесятилетия. Его предыдущая жизнь — область преданий, согласно

которым будущий святой родился в Казани около 1530 г. и в крещении был наречен, по всей видимости, Ермолаем. Происхождение святителя остается невыясненным, однако, скорее всего, родители его были неродовитые люди — из служилого дворянства или городского духовенства¹. Поляки во времена Смуты слышали от москвичей, что в молодости Патриарх якобы был донским казаком.

Гермоген в юности получил хорошее образование, которое затем пополнял самостоятельно. Учился он, надо полагать, в одной из тех духовных школ, которые находились при домах духовных лиц или при монастырях. Он прекрасно изучил Священное Писание, церковную и гражданскую историю, церковные уставы, творения святых отцов — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. В течение всей своей жизни святитель сохранял любовь к книгам и сам неоднократно брался за перо. Сохранившиеся сочинения свидетельствуют о его незаурядном литературном даровании.

Первые достоверные известия о святителе Гермогене относятся к рубежу 70–80-х

* Цветков Сергей Эдуардович — преподаватель Международного университета в Москве, автор книги «Русская история» в 4-х томах и ряда биографических исследований. E-mail: ser6042@yandex.ru.

¹ На одной из икон Вятского края сохранилась запись, что Патриарх Гермоген в 1607 г. благословил ею своего зятя — посадского человека Корнилия Рязанцева. Обычай того времени требовал, чтобы тесть и зять были равного социального положения. Впрочем, некоторые историки возводили род святителя Гермогена к князьям Шуйским (Рюриковичам) или Голицыным (Гедиминовичам).

годов XVI века — времени его служения священником в Казани.

Это был поворотный момент в истории всего Поволжья. С завоеванием Казани расширились пределы не только Московского государства, но и Русской Церкви. По важности последствий, которые имело для России присоединение Казанского ханства, по многочисленности населявших его народов, положено было учредить здесь особую епархию. Первым занял казанскую кафедру архиепископ Гурий, происходивший из боярского рода Руготиных. 26 мая 1555 г. первосвятитель Казанский и Свяязский отправился из Москвы в свою епархию. Впервые русский архиепископ ехал в завоеванное мусульманское ханство распространять там христианство. Этот духовный поход Гурия в Казань в глазах русских людей соответствовал отправлению греческого духовенства из Византии для просвещения Руси при Владимире и знаменовал торжество христианства над басурманством и язычеством. Вот почему отправление Гурия в Казань совершилось с большой торжественностью: его провожали все духовенство, царь с боярами и множество народа.

Обращение народов, населявших бывшее Казанское ханство, должно было происходить на строго добровольной основе. В «Наказе», данном архиепископу Гурию, говорилось, что он должен был новообращенных поучать страху Божию, к себе приучать, кормить, поить, жаловать и беречь во всем, дабы и прочие, видя такое бережение и жалованье, захотели бы принять крещение, — «а страхом ко крещению никак не приводить»².

Усилиями святителя Гурия и его помощников, архимандритов Германа (Садырева-Полева) и Варсонофия (ставшего затем епископом Тверским) были крещены тысячи мусульман и язычников. Казань за несколько лет была превращена в русский город. Уже в 1557 г. в ней жило 7000 русских и 6000 татар, причем последним было запрещено жить

в городской черте, и они селились в так называемой «татарской слободе» — извечный прием московской политики во вновь присоединенных землях. Однако на территории ханства еще долго тлели искры партизанской войны, время от времени вспыхивавшие восстаниями.

Особенно опасным было восстание под руководством Мамыш-Берды, одного из бывших казанских правителей «луговой стороны». Мамыш-Берды хотел ни много ни мало как восстановить ханскую власть, для чего посылал приглашать на престол разных ногайских мурз. Москва должна была начать новую полномасштабную войну. Царские воеводы Данила Адашев, Семен Микулинский, Иван Шереметев беспощадно опустошали край, проходили от селения к селению, сжигая дома, забирая скот, уводя всех жителей в плен; Арская и Прикамская сторона «опустошены были вконец». Призванные на помощь казанцам ногаи, со своей стороны, всячески грабили и обижали местных жителей. Одного из ногайских претендентов на престол эти самые жители убили и, воткнув его голову на кол, говорили (в передаче князя Курбского): «Мы было взяли тебя того ради на царство, с двором твоим, да обороняешь нас, а ты и сущие с тобою не сотворил нам помощи столько, сколько коров и волов наших поел; и ныне глава твоя да царствует на коле». «Подрайская земля» превратилась в пустыню, люди, оставив жилища, хоронились по лесам. Весной 1556 г. воевода Петр Морозов взял главную крепость восставших — Чалым. Претендент на казанский престол хан Али был убит, Мамыш-Берды захвачен в плен, отправлен в Москву и казнен. Обезумевшее от ужаса население, наконец, присягнуло царю и уплатило ясак. В 1557 г. воеводы сообщили в Москву о замирении и присоединении всего края.

В то время Гермоген служил приходским священником казанской церкви Святого Николая в Гостином дворе. По отзывам современников, будущий святитель уже тогда был «мужем премудростью украшенный, в книжном учении изящным и в чистоте жития известным».

² Конечно, не все и не всюду держались таких благоразумных и человеколюбивых правил, — нетерпимость века брала свое. Летописи оставили нам память о таких, например, крестителях в Нижнем Новгороде: «Давали дьяки по монастырям татар, которые сидели в тюрьмах и захотели креститься; которые не захотели креститься, тех метали в воду» (смысл последних слов двойся: упрямых не то топили, не то крестили насильно).

В бытность свою в Казани Гермогену довелось участвовать в обретении одной из величайших православных святынь — чудотворной иконы Богородицы Казанской. Впоследствии, уже будучи архиереем, Гермоген составил пространную повесть о явлении иконы Казанской Богоматери: «Сказание о явлении и чудесах иконы Казанской Богоматери»³.

В 1587 г. Гермоген овдовел и принял монашество⁴. Вскоре он был возведен в сан игумена, а затем и архимандрита казанского Спасо-Преображенского монастыря. После недолгого управления обителью, Гермоген был поставлен в сан архиепископа Казанского и Астраханского (13 мая 1589 г.) с предоставлением ему — первому из архиереев казанских — митрополичьего титула (с 1602 г.). Он стал третьим по чести иерархом Русской Церкви после Патриарха и митрополита Новгородского.

Казанская епархия была обширной, а населявшие ее народы зачастую враждебны к русским и православию. В своем стремлении сделать новый край нераздельной частью Русского государства святитель Гермоген не чуждался суровых мер, зарекомендовав себя человеком строгим, с сильным характером, несокрушимым поборником национальных начал, заветов и преданий.

При нем в Казанской земле велось активное строительство церквей и монастырей. С особым усердием святитель трудился над прославлением памяти христианских мучеников.

Уже в эти годы деятельность Казанского Митрополита не ограничивалась пределами Казанской епархии. Так, выполняя распоряжение Патриарха, святитель Гермоген ездил в Углич для освидетельствования мощей

святого князя Романа Владимировича⁵ (1595).

Во время пребывания Гермогена на Казанской кафедре в городе действовала типография⁶ — третья в России после типографий в Москве и в Александровской слободе.

Обустроивая казанскую епархию, Митрополит Гермоген укреплял православие и старался объединить вокруг него разноплеменное население бывшей Золотой Орды. Православные люди почитали его как великого подвижника и постника. Но Казанская кафедра была лишь началом служения святителя Русской земле.

* * *

В 1598 г. умер царь Федор Иванович. С его смертью на московском престоле пресеклась династия Рюриковичей⁷. Москва и вся Россия увидела прежде невиданное зрелище — выборы царя.

Этим народным избранником стал Борис Годунов. Его путь к трону был долог и необычен. Годуновы были младшей ветвью старинного боярского рода, который вел свое происхождение от татарского мурзы Чета, выехавшего из Орды в Москву при Иване Калите. В годы опричнины Борис сумел попасть в ряды окольничих бояр. Сначала он стал посаженным отцом на одной из многочисленных свадеб Ивана Грозного, потом взял в жены дочь всемогущего Малюты Скуратова, а женитьба Федора Ивановича (тогда еще царевича) на Борисовой сестре Ирине еще больше укрепила его положение при дворе.

После смерти Грозного влияние Годунова сделалось поистине беспредельным. Пользуясь полным доверием царя и поддержкой сестры-царицы, он все ближе подходил к московскому трону. Он был поочередно царским

³ Рукопись, датируемая 1594 г., носит название: «Месяца июля в 8 день. Повесть и чудеса Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея явления образа, иже в Казани. Списано смиренным Ермогеном, митрополитом Казанским».

⁴ Полагают, что это могло произойти в московском Чудовом монастыре.

⁵ Роман Владимирович, князь Углицкий (годы правления: 1261–1285), согласно преданию, своими страстными молитвами спас Углич от татарского разорения. После кончины был погребен в церкви Преображения. Его нетленные мощи были обреты в 1486 г. при строительстве нового храма. После того как в 1595 г. над мощами свершилось несколько чудес, Роман Углицкий был причислен к лику святых. Память празднуется 3/16 февраля.

⁶ Типография находилась в Казани до 1620 г., когда ее оборудование было перевезено на московский Печатный двор.

⁷ Единственная дочь Федора Ивановича и его супруги, царицы Ирины Годуновой, — царевна Феодосия родилась 29 мая 1592 г. и умерла в младенчестве не позднее 1594 г. В народе ходили слухи, что на самом деле у Федора родился сын, но Борис Годунов подменил его девочкой, взятой у незнатных родителей. Благодаря этому во время Смуты появилось много самозванцев, выдававших себя за сына царя Федора Ивановича.

«конюшим», «ближним великим боярином», «наместником царств Казанского и Астраханского», пока наконец не добился титула «князь-правитель», сделавшись фактическим соправителем Федора. Годунов окружался царственным почетом и принимал у себя во дворце иноземных послов. А однажды, как гласит предание, стоя за спиной у сидящего на троне царя, он как бы невзначай овладел «государевым яблоком» (то есть «державой» — вторым атрибутом царской власти наряду со скипетром).

После смерти Федора Ивановича бояре присягнули царице Ирине, но та спустя девять дней постриглась в монахини. Вот тогда на первый план и выступил князь-правитель Борис Годунов. Он удалился к сестре в Новодевичий монастырь, будто бы сторонясь всего мирского. Но толпы народа стекались под окна царицы-монахини бить ей челом, прося брата на царство. Народные вопли и рыдания не стихали несколько дней. Когда царица подходила к окну, народ с диким воем падал ниц, устилая живым ковром монастырский двор. От натужного вопля, говорит летописец, багровели лица и расседались утробы кричавших, невозможно было находиться рядом, не зажав ушей. Наконец царица Ирина, тронутая зрелищем народной преданности, благословила брата на царство.

Святитель Гермоген в эти дни был в Москве. Он участвовал во всенародном молении у стен Новодевичьего монастыря и присутствовал на собравшемся в столице Земском соборе, который в феврале 1598 г. избрал Бориса Годунова государем всея Руси.

Венчание Бориса на царство состоялось 1 сентября. В церкви Борис громко сказал Патриарху Иову⁸ поразившие всех слова: «Бог свидетель, отче, в моем царстве не будет нищих и бедных». Затем, дернув ворот парчовой рубахи, он добавил: «И эту последнюю разделю со всеми!»

И действительно, царствование Бориса открылось невиданными щедротами и милостями. Главное внимание государя обращено

было на устройство внутреннего порядка в государстве, на «исправление всех нужных царству вещей», по словам современника Авраамия Палицына. Крестьяне были освобождены на один год от уплаты податей, а инородцы — от ясачного платежа. Купцы получили право беспошлинной торговли сроком на два года. Служилым людям выдали разом годовое жалованье. Закрылись кабаки, где народ пропивался до исподнего, сидевшие в тюрьмах вышли на свободу, опальные получили прощение, казни прекратились совсем, вдовы, сироты и нищие получили вспоможение. Царь укреплял старые города и строил новые — Цивильск, Уржум, Царево-Кокшайск, Саратов, Царицын. Столицу же он, по выражению Патриарха Иова, украшал, «как невесту». Даже недоброжелатели Бориса отмечали, что он «всем любезен бысть» и что в первую половину его царствования Россия цвела всеми благами.

В личности Бориса современники находили много превосходных качеств, хотя и отмечали с удивлением, что это был первый в России «бескнижный» государь, то есть не владеющий грамотой. Однако неграмотный Борис испытывал истинную тягу к просвещению и науке. Своему сыну Федору он дал блестящее образование, которое позволило ему составить первую карту Российского государства. Именно Борис направил в заграничное обучение первую дюжину русских студентов.

С казанским святителем у нового царя особой близости не возникло. Сам Гермоген писал, что многие в епархии тогда «укоряли» его — по всей видимости, на митрополита посылались в столицу жалобы. Возможно, вследствие этого в 1602 г. из Казанской епархии была выделена Астраханская епископия.

Тогда же проявились первые предвестия надвигающейся Смуты — трехлетний голод и моровое поветрие. Царь Борис старался расположить народ к себе добрыми делами: кормил неимущих, давал работу безработным. Но бояре, не простившие Борису незнатного происхождения, подстрекали народ к мятежу.

⁸ Патриарх Иов (в миру Иван; ок. 1525–1607) — первый Патриарх Московский и всея Руси (1589–1605). Канонизирован Русской Церковью в 1989 г. в лике святителей. Память его совершается 5/18 апреля и 19 июня/2 июля.

В довершение бед в Польше объявился первый самозванец, который принял на себя имя царевича Димитрия, погибшего 15 мая 1591 г. Кто был этот человек, доподлинно неизвестно — власти объявили его беглым монахом-расстригой Григорием Отрепьевым. Сам же он называл себя сыном Ивана Грозного и утверждал, что в Угличе зарезали подставного младенца, а его — истинного царевича — скрыли от подосланных Годуновым убийц и спасли.

В Польше самозванец поначалу поступил в «оршак» (придворную челядь) князя Адама Вишневецкого. По слухам, однажды он открыл князю свою тайну, предъявив некие доказательства своего высокого происхождения — настолько веские, что Вишневецкий (потомственный Рюрикович) поверил ему и окружил царским почетом. Вскоре Дмитрий познакомился с Мариной, дочерью польского пана Юрия Мнишека, и безоглядно влюбился в нее. В конце августа 1604 г. Лжедмитрий выступил в свой фантастический поход. Польский сейм не согласился предоставить в его распоряжение войска Речи Посполитой, но с молчаливого согласия короля Сигизмунда III к самозванцу примкнули две тысячи польских шляхтичей, да еще в его стан перекочевало тысяч пять запорожских и донских казаков.

С этими незначительными силами самозванец добился головокружительных успехов. Города на его пути открывали перед ним ворота без единого выстрела. Войско Лжедмитрия росло как на дрожжах и одерживало над царскими воеводами одну победу за другой. Однако в зимнем сражении под Добрыничами подоспевшая 70-тысячная московская рать нанесла Лжедмитрию полное поражение. Под ним самим была убита лошадь, он пересел на другую, которая тоже была ранена, но все-таки вынесла своего седока из боя. Казалось, все было кончено, но 13 апреля 1605 г. скоропостижно скончался Борис Годунов. Узнав об этом, огромное московское войско в одночасье растаяло как дым: большая часть перекинулась к Лжедмитрию, другие разбежались. Путь на Москву был открыт.

20 июня Лжедмитрий торжественно въехал в столицу. За несколько дней до этого толпа

его сторонников разгромила дворец Бориса, зверски убив его сына Федора. Вместе со всей страной «законного царя Дмитрия Ивановича» приняла и Церковь, за исключением Патриарха Иова, непреклонно осуждавшего самозванца. За это он был объявлен низложенным. Формальным основанием лишения сана было желание самого Иова: еще в последние дни царствования Годунова слепнувший Патриарх написал грамоту о своем отречении и выразил желание провести остаток дней в уединении и смирении. Иов подчинился решению нового царя. В Успенском соборе он принародно снял с себя панагию и, подойдя к иконе Владимирской Богоматери, сказал:

— Здесь, пред сим святым образом, я был удостоен сана архиерейского и девятнадцать лет хранил целость церкви и чистоту веры. Ныне вижу, что грехов наших ради наступает время торжества обмана и ереси. Мы, грешные, молим: Матерь Божия, утверди православную веру непоколебимо!

На глазах у всех его облачили в простую монашескую одежду и отвезли в Старицкий Богородицкий монастырь, который он сам выбрал местом своего пребывания. Вместо Иова Русскую Церковь возглавил архиепископ рязанский Игнатий, родом грек, носивший на родине сан епископа Эриссонского. Приехав по примеру многих греческих иерархов в Россию при царе Федоре Ивановиче, он получил от Бориса рязанскую епархию. Игнатий первым среди русских архиереев признал самозванца истинным царевичем Димитрием, за что и получил от него патриаршество.

Чтобы заставить паству забыть о своем нерусском происхождении, Игнатий старался выглядеть «ультраправославным». В сентябре 1605 г. в Москву приехал князь Адам Вишневецкий, чтобы поздравить Дмитрия с восшествием на престол. В его свите находилось много православных священников, которые смело вошли вместе с князем в церковь. Однако их остановили у дверей и указали, что вся их повадка — латинская: на головах у них нет скуфей и сопровождают их польские певчие. Игнатий предал отступников анафеме; кое-кто даже угодил в тюрьму. Только заступничество Адама Вишневецкого спасло «еретиков», простодушно считавших себя в Литве поборниками православия. Многим

из них спустя несколько лет довелось увидеть Игнатия в Польше, примкнувшим к уни и получающим пенсию от Сигизмунда.

Находившийся вдалеке от Москвы Гермоген, вместе со всеми остальными иерархами Русской Церкви, признал Лжедмитрия законным государем. Но прозрение наступило быстро.

Новый царь окружил себя поляками, не ходил к церковным службам, не соблюдал постов, обнаруживал пренебрежение к русским обычаям. Он был религиозно равнодушным человеком, смотревшим на вопросы веры с точки зрения политики. Однако Лжедмитрий отлично понимал, что он царствует в православном государстве. Вот почему сразу же после своего воцарения он, не порывая видимым образом с иезуитами, стал оказывать покровительство Православной Церкви. Он ни в чем не посягнул на права иерархов. На торжественных приемах царь всегда появлялся в их окружении, в сенате (преобразованной государевой Думе) им были отведены первые места. Церковные и монастырские имущества пополнились новыми пожалованиями. За границей Дмитрий вообще слыл горячим защитником православия. Львовское православное братство, собиравшееся возвести церковь, обратилось к нему за денежной помощью и получило ее; иерусалимский Патриарх Софроний просил царя оплатить долги его Патриархии турецким ростовщикам. Один польский автор-современник сетовал: «Дмитрий много изменился и не был уже похож на того Дмитрия, который был в Польше. О вере и религии католической (вопреки столь многим обещаниям) он мало думал. О Папе, которому, по словам посланных из Польши писем, он посвятил себя и своих подданных, теперь он говорил без уважения и даже с презрением».

Тем не менее, вскоре у него возник конфликт со святителем Гермогеном, который, как и другие архиереи, был включен самозванцем в состав сената. Свое новое положение Казанский Митрополит воспринял как призвание Божие потрудиться на благо Православия.

Спорное дело касалось женитьбы самозванца.

Осенью 1605 г. Лжедмитрий отправил в Польшу большое посольство — дьяка Афанасия Власьева с 40 дворянами и 300 человек прислуги. Власьев должен был представлять собой особу царя при обручении с Мариной Мнишек. Торжественная церемония состоялась 12 ноября в Кракове, в доме сановника Фирлея.

В мае 1606 г. Марина приехала в Москву. Католическое духовенство возлагало на ее брак с Лжедмитрием большие надежды. Папа римский Павел V счел необходимым лично напомнить Марине ее обязанности: «Мы от твоего супружества ожидаем великой пользы для католической церкви... Ты должна стараться всеми силами, чтобы богослужение католической религии и учение святой апостольской римской церкви были приняты вашими подданными в вашем государстве и водворены прочно и незыблемо. Это твое первое и главнейшее дело».

По канонам католической церкви брак Дмитрия и Марины в сущности был уже заключен, так как Тридентский собор⁹ признает обмен обещаниями основой брачного договора. Кардинал Мацеиовский, обручивший дочь Сандомирского воеводы с самозванцем, так и сообщил Папе, «что он освятил согласно торжественному обряду церкви брак Марины с Дмитрием». 14 января 1606 г. Павел V, в свою очередь, утвердил благословение кардинала, данное молодым супругам. Вместе с тем в Риме ничего не имели против повторного бракосочетания по православному обряду, если Марину не будут заставлять причащаться из рук Патриарха.

Но для московского духовенства все, что произошло в доме Фирлея, не имело никакого значения, поскольку, согласно правилам Православной Церкви, обряд обручения должен быть совершен непосредственно над женихом и невестой, а не над представителем одной из сторон. В глазах всех русских людей

⁹ Тридентский (Триентский) собор, который католики называют вселенским, несмотря на то, что в заседаниях его не принимали участия представители других христианских исповеданий, заседал в 1545–1547, 1551–1552, 1562–1563 гг. в Триенте (нем. Trient, лат. Tridentum, современный Тренто), а в 1547–1549 гг. — в Болонье. Сыграл видную роль в возрождении католической церкви после Реформации.

истинный царский брак мог совершиться только в Москве.

Не желая раздражать подданных, Лжедмитрий заранее задал православным архиереям два вопроса: «Может ли царь московский заключить брак с полькой-католичкой?» и «если различие вероисповеданий недопустимо, то какое свидетельство своего православия должна дать невеста?»

Духовенство было единодушно в том мнении, что московская царица не может оставаться католичкой. В тексте архиерейской присяги того времени содержались клятвы не допускать браков православных с католиками. Но учение Православной Церкви не содержало ясного ответа на второй вопрос, поэтому голоса иерархов разделились. Сторонники умеренности признавали достаточным миропомазания, хотя их взгляд и нес отпечаток сомнительной двойственности, так как коронация тоже требовала миропомазания, и таким образом один обряд миропомазания служил как бы сразу и царским посвящением и отречением от католичества.

Не так думал святитель Гермоген. Еще в 1598 г. он составил сборник чинов крещения мусульман, католиков и иных иноверцев. Согласно «Сборнику Гермогена», христиан иных конфессий и католиков в особенности следовало заново крестить, поскольку их «обливательное» (а не православное «погружательное») крещение истинным таинством не является. Поэтому Гермоген настаивал на том, что Марину следует заново окрестить по православному обряду.

— Не подобает православному царю брать некрещеную и вводить в святую церковь, — говорил святитель. — Не делай так, царь: никто из прежних царей так не делал, а ты хочешь сделать.

К его мнению присоединился и Коломенский архиепископ Иосиф. Но Лжедмитрий не согласился с их доводами. Он считал, что миропомазание позволит избежать скандала; русские и поляки вольны будут воспринимать обряд каждый по-своему: одни — как обращение в православие, другие — как царское посвящение. Поэтому он настоял на том, чтобы

коронация с обрядом миропомазания предшествовала бракосочетанию. Патриарх Игнатий безвольно смирился перед самозванцем: «Будь по твоей воле, государь».

Поскольку Гермоген и после этого продолжал стоять на своем, то самозванец приказал лишить его священного сана и отправить в заточение в Казань. Однако эта кара не успела обрушиться на голову святителя, так как царствовать Лжедмитрию оставалось всего девять дней.

Восторженно приняв Лжедмитрия, москвичи быстро охладели к новому царю. Их раздражало явное пренебрежение Дмитрием к старомосковским обычаям и традициям. Но больше всего москвичи были недовольны присутствием в Москве нескольких тысяч поляков, которые вели себя как в завоеванном городе.

Брожением в народе решило воспользоваться родовитое боярство во главе со старейшим Рюриковичем — князем Василием Ивановичем Шуйским. Заговорщики привлекли на свою сторону всех начальников московских полков, убедив их в том, что на престоле сидит самозванец, а не настоящий сын Ивана Грозного.

С первым лучом солнца 17 мая заговорщики ударили в набат. Рассвирепевшая толпа москвичей вломилась в царский дворец. Поиманного самозванца после зверских издевательств убили. Обезображенный труп его выбросили на Красную площадь, потом отвезли за Серпуховские ворота, разрубили на части, сожгли, зарядили останками пушку и выстрелили в сторону Литвы.

* * *

Через три дня после гибели самозванца бояре и московские люди собрались на Лобном месте у кремлевских стен и провозгласили царем князя Василия Ивановича Шуйского. Спеша примерить шапку Мономаха, Шуйский венчался на царство с благословения Митрополита Новгородского Исидора, который и совершил над ним миропомазание. А 3 июня 1606 г. в Москве открылся церковный Собор. Ставленник самозванца Игнатий был низложен, и на его место избран святитель Гермоген,

чей авторитет после его размолвки с самозванцем по вопросам веры был непререкаем. Посвящение Митрополита Казанского в Патриархи совершилось в Успенском соборе московского Кремля. В завершение торжественной церемонии Митрополит Исидор вручил Гермогену посох святителя Петра-чудотворца, а царь подарил новому Патриарху панагию, украшенную драгоценными камнями, белый клобук и посох.

Убийство самозванца и провозглашение царем Василия Шуйского не принесли успокоения Московскому государству. Едва святитель Гермоген занял патриархии палаты близ Успенского собора, как на южной окраине Русского государства поднялась новая волна Смуты.

Царь Василий Шуйский, избранный «государить» одной Москвой и венчанный на царство не Патриархом, а Митрополитом Исидором, не был той политической фигурой, которая могла бы сплотить вокруг себя все русское общество. Опиравшийся на поддержку нескольких княжеских родов, он не имел ни сил, ни возможностей для того, чтобы распространить свою власть на всю страну. Даже неродовитое боярство смотрело на него с неодобрением. Святитель Гермоген, по-видимому, тоже не слишком высоко ценил личные качества Шуйского; отношения между ними были весьма натянутыми. По сообщению автора Хронографа, с царем Василием новый Патриарх беседовал «строптивно, а не благолепно». Но Шуйский все же олицетворял законную власть, поэтому, вступив на кафедру Московских Патриархов, святитель Гермоген стал оказывать всемерную поддержку правительству царя Василия.

Убить Лжедмитрия было нетрудно. Сложнее оказалось истребить память о нем. Уже через несколько дней после смерти самозванца по Москве пошел гулять слух, что человек, назвавшийся царем Дмитрием, сумел избежать гибели и бежал из Москвы, а вместо него убили кого-то другого.

Затем путивльский воевода князь Григорий Шаховской — один из ближайших приверженцев убитого самозванца, бежавший в Черниговскую землю, — распространил

слух о спасении Дмитрия и даже о пребывании государя инкогнито среди лиц его свиты. Шаховской рассылал указы, прикладывая к ним похищенную царскую печать, и призвал всех к мятежу против «боярского царя» Василия Шуйского. Под влиянием этих грамот поднялась вся Северская земля. Позднее именно Шаховского называли «главным заводчиком всей крови». Однако он действовал не один.

В Комарницкой волости недовольные правлением Шуйского объединились вокруг загадочной личности Ивана Исаевича Болотникова, рассказывавшего о себе много чудесного. Он будто бы еще в детстве был взят в плен татарами, продан туркам на галеры, освобожден венецианцами, некоторое время жил в Венеции, а потом вернулся в отечество постоять за законного государя Дмитрия Ивановича. Достоверно известно только то, что по происхождению Болотников был крестьянин, а затем некоторое время состоял в холопах у князя Телятевского. В остальном приходится положиться на его слова. Как и положено холопу знатного вельможи, Болотников был хитрецом и мошенником. Никогда не выдав Дмитрия, он не моргнув глазом распространялся о своей встрече с ним уже после воцарения Шуйского уверяя, что спасенный царь назначил его своим главным воеводой.

Зажигательные грамоты Болотникова подпалили Московское государство уже со всех концов. Вслед за Северщиной поднялись Калуга, Можайск, Орел, Тула, Рязань, Владимир, Пермь, Астрахань. Всюду поднимали чаши за здоровье Дмитрия и служили молебны о его вторичном чудесном спасении. Церковные власти были бессильны что-либо изменить, а порой и сами выступали в поддержку мятежников. Во всей стране один-единственный из епархиальных архиереев — архиепископ Феокист — сумел подвигнуть жителей Твери стоять за крестное целование царю Василию. Да несколькими месяцами позже митрополит Казанский Ефрем своей властью и авторитетом утишил восстание в Свияжске, отлучив от Церкви дворян и горожан, преступивших крестное целование Шуйскому и заставив их просить царя о прощении.

В это время возвысил свой голос против зачинщиков смуты Патриарх Гермоген. Сначала для увещания мятежников он отправил Крутицкого митрополита Пафнутия. А когда это не помогло, разослал по городам грамоты. В них Первосвященитель писал, что изменники распускают слухи, будто бы Дмитрий жив. Патриарх опровергал эти слухи и убеждал народ быть верным царю Василию Ивановичу. Выступающие от имени самозванца, утверждал Гермоген, «отступили от Бога и от православной веры» и несут государству «конечную беду, и срам, и погибель». Патриаршие грамоты возымели действие: многие из восставших ушли от разбойника на царскую службу.

Патриарх оказывал царю и денежную помощь на нужды войска. Царь неоднократно брал огромные безвозвратные займы у монастырей, включая знаменитые Иосифо-Волоколамский и Троице-Сергиев (так что келарь последнего Авраамий Палицын писал «о последнем грабежу в монастыре от царя Василия»).

Между тем в октябре 1606 г. войско Болотникова подошло к самой Москве, но правительственные полки под начальством царского племянника, доблестного князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, заставили мятежников отступить от столицы.

В дни осады Москвы болотниковскими «ворами» Патриарх Гермоген объявил шестидневный общенародный пост с непрерывной молитвой о законном царе и прекращении «междоусобной брани». После освобождения столицы, 20 февраля 1607 г., в Успенском соборе Кремля при большом стечении народа Первосвященитель совершил чин всенародно-го покаяния за совершенные в годы Смуты клятвопреступления. В Москву был приведен старый и уже совсем ослепший Патриарх Иов. К нему была обращена особая челобитная, зачитанная от имени всего православного народа. В этой грамоте русские люди просили у бывшего Патриарха прощения за все нарушения крестных целований, за свои измены прежним царям — Борису Годуну и его сыну Феодору, а также за служение «вору и расстриге» Лжедмитрию. Этот чин всенародно-го покаяния завершился чтением

в соборе «разрешительной» грамоты, написанной от имени обоих Патриархов. Прощение было преподано в том числе и самому царю Василию Шуйскому, целовавшему крест на верность самозванцу.

Тем временем Болотников заперся в Туле. Отсюда он взывал к полякам о помощи, обещая отдать им взамен все западные русские земли от Смоленска до Москвы. Однако ляхи так и не пришли. Патриарх Гермоген предал Болотникова и его единомышленников церковному проклятию, а царю посоветовал самому выступить с войском против злодеев. Трехмесячная осада довела защитников Тулы до полного истощения: в городе уже принялись ловить мышей и варить кожаные ремни и сапоги. Болотников не стал дожидаться голодной смерти. 10 октября 1607 г., выехав из Тулы в полном вооружении, он предстал перед Василием Шуйским и положил к царским ногам свою саблю. Царь обещал помиловать его, но нарушил слово. Конец Болотникова был ужасен: ему выкололи глаза, а затем утопили.

Успокоенный царь распустил войско и вернулся в Москву, где женился на молодой девице княжне Марье Петровне Буйносовой. Священитель Гермоген прозорливо умолял Шуйского обратить все усилия на восстановление государственного порядка, но царь не слушал его.

Последующие события подтвердили правоту Патриарха. Смута прочно укоренилась в головах русских людей. На окраинах Московского государства, как грибы после дождя, один за другим росли самозванные цари и царицы. В Астрахани объявился какой-то царевич Август, называвший себя сыном Ивана Грозного от его четвертой жены Анны Колтовской. Затем там же обнаружился царевич Лаврентий, якобы сын покойного старшего сына грозного царя, царевича Ивана, хотя у последнего никогда не было ребенка с таким именем. На Украине объявилось целых восемь сыновей другого сына Грозного, царя Федора Ивановича, чей единственный ребенок — царица Феодосия — умерла еще при его жизни. Впрочем, вся эта нечисть схлынула так же быстро, как и появилась.

На смену им в Северской земле, в Стародубе, объявился новый Лжедмитрий.

Прошлое этого самозванца, видимо, навсегда останется тайной, так как в распоряжении историков есть одни только противоречащие друг другу слухи. По одним известиям, он носил фамилию Богданов и был литвин, служивший у Дмитрия секретарем, бежавший после убийства царя в Могилев и изгнанный оттуда за покушение на честь жены приютившего его протопопа. По другим сведениям, он был некрещеный еврей, по третьим — крещеный (эти версии получили хождение после его бегства из Тушина, где якобы нашли Талмуд и разные рукописи на еврейском языке). Говорили также, что это сын князя Курбского; признавали в нем коренного Стародубского попovichа Матюшку Веревкина; или хохла, которого отыскал в Киеве какой-то поп Воробей; или одного из телохранителей первого самозванца — некоего чеха из Праги.

Как бы то ни было, очевидно, что самозванец был только орудием в руках поляков. Его внешность и манеры служили лишь жалкой пародией на человека, за которого он себя выдавал. Служившие у него поляки Мартин Стадницкий и Маскевич свидетельствуют, что эта темная личность была «грубых и дурных нравов» и даже внешне мало походила на покойного Лжедмитрия, в чьем внешнем облике и привычках современники отмечали врожденное благородство. Характерно, что Марина Мнишек, согласившись признать его спасенным Дмитрием, и, следовательно, своим супругом, тем не менее выговорила себе право жить от него отдельно.

Святитель Гермоген обратился к Шуйскому с требованием, возложив надежду на Бога, призвав в помощь Богородицу и московских угодников, немедля самому повести армию на врага. Но царь предпочел отсиживаться в Кремле, бросив страну на произвол судьбы.

В сентябре 1608 г. войско самозванца подошло к Москве и расположилось в Тушино, отчего второй самозванец и получил прозвание «тушинского вора». Сюда ежедневно прибывали новые отряды поляков и лихих людей со всех концов Московского государства. Осаждавшие и сами не знали, сколько их

было, но числом они уже едва ли не превосходили 100-тысячное население Москвы.

С наступлением зимы в Тушине начали тысячами возводиться дома, избы, землянки. Рядом с лагерем вырос богатый посад, где жили и держали лавки с товарами три тысячи торговцев. Для лошадей отстроили загоны из хвороста и соломы. Возникло любопытное и едва ли не единственное в истории явление: город осаждал город.

Не решаясь взять Москву приступом, тушинцы осадили Троице-Сергиеву Лавру, где в монастырской ризнице хранились приношения благочестивых царей, князей, бояр и других богомольцев — богатая утварь, дорогие облачения, драгоценные камни и жемчуга. Богатства обители служили приманкой лихим людям.

23 сентября 1608 г. Троице-Сергиев монастырь осаждало 15-тысячное польско-литовское войско во главе с панами Сапегой и Лисовским. Защитников монастыря, которых возглавляли присланные из Москвы воеводы Голохвастов и Долгоруков, было в пять раз меньше. Поляки презрительно называли небольшую монастырскую крепость «лукош-ком». Однако первые приступы под ее стены закончились обескураживающей неудачей.

Тогда захватчики решили подвести минный подкоп под одну из 12 крепостных башен монастыря — Пятницкую, охранявшую обитель с юго-западной стороны. Осажденные обнаружили место подкопа, когда он уже был почти готов и забит порохом. Предприняв смелую вылазку, отряд защитников крепости сумел пробиться к входу в подкоп. Два крестьянина монастырского села Клементьева Никон Шилов и Петр Слота, пожертвовав собой, взорвали заготовленный врагами порох. В это время другой отряд атаковал линию батарей и захватил все вражеские пушки.

Но впереди осажденных ждали суровая зима, голод и эпидемии, которые уносили больше жизней, чем стычки с врагом. Дочь Бориса Годунова, царевна Ксения, находившаяся в то время в монастыре, писала в столицу: «На всякий день хоронят мертвых человек по двадцать и больше; а которые люди ходят и те собою не владеют, все обезножили». Келарь

Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын, автор знаменитого «Сказания об осаде», подсчитал, что в течение зимы погибло в боях и умерло «от осадной немощи» 2125 человек, не считая женщин и детей.

Не в лучшем положении были и москвичи. Поляки и тушинцы рыскали вокруг столицы, не пропуская в нее торговцев. В Москве наступила страшная дороговизна съестных припасов. Неудовольствие против Шуйского в народе росло. На масленице в субботу 17 февраля 1609 г. князь Роман Гагарин, боярин Григорий Сумбулов и дворянин Тимофей Грязной собрали толпу буянов, с которой ворвались в царский дворец, требуя от бояр «переменить» царя Василия. Бояре в страхе побежали из Кремля. Тогда мятежники нашли в соборе святителя Гермогена и вывели на Лобное место. На площади Патриарх спросил толпу, что ей нужно. Верховоды закричали:

— Шуйский тайно побивает и топит нашу братию, дворян и детей боярских, и жён, и детей их втайне истребляет, и таких побитых уже с две тысячи!..

Патриарх Гермоген строго взглянул на бунтовщиков и спокойно спросил их:

— Как же это могло стать, что мы ничего не знали? В какое время и кто именно погиб?

— Да вот и теперь повели топить! — кричали из толпы.

Патриарх укорил их во лжи и клевете. Тогда один из бунтовщиков выступил вперед и стал громко читать грамоту, сочиненную в Тушине, у вора. В ней говорилось, что «князя Василия Шуйского выбрали на царство одною Москвой, а иные города того не ведают, и князь Василий Шуйский нам на царстве не люб. Из-за него кровь льется и земля не умирается; надо бы нам выбрать на его место иного царя»

Патриарх на это ответил:

— До сих пор Москве ни Новгород, ни Казань, ни Астрахань, ни Псков и ни которые города не указывали, а указывала Москва всем городам. А государь царь и великий князь Василий Иванович избран и поставлен Богом и всем духовенством, московскими боярами и вами, дворянами, и всякими всех

чинов всеми православными христианами. Да из всех городов на его царском избрании и поставлении были в те поры люди многие. И крест ему, государю, целовала вся земля, чтобы ему, государю, добра хотеть, а лиха не мыслить. А вы, забыв крестное целование, немногими людьми восстали на царя, хотите его без вины с царства свести. А мир того не хочет, да и не ведает, и мы с вами в тот совет не пристанем же! И тот ваш совет — вражда на Бога и царству гибель... А что вы говорите, что из-за государя кровь льется и земля не умирится, — все то делается волей Божией. Своими живоносными устами сказал Господь: «Восстанет народ на народ, и царство на царство; и будет голод, мор и землетрясения», — все это в наше время исполнил Бог. Ныне иноземцев нашествие, и междоусобные брани, и кровопролитие Божиею волей совершается, а не царя нашего хотением!

После этих слов Патриарх вернулся в свои покои. Слова святителя оказали громадное влияние на толпу. Послышались крики:

— Смута против царя делается по наущению литовских людей! Изменники хотят сдать Москву тушинскому вору!

Бунтовщикам пришлось бежать из Москвы в Тушино.

Вслед им Патриарх послал грамоту, писанную, казалось, кровью сердца:

«Бывшим православным христианам, а теперь так и не называть вас не велю! Не доста-нет мне слов, душа болеет, болит сердце, вся внутренняя моя расторгается, все составы моя содрогаются. Плачу и с рыданием вопию: помилуйте, пощадите свои души и души родителей ваших! Остановитесь, вразумитесь и возвратитесь. Посмотрите, как Отечество наше расхищается и разоряется чужими, какому поруганию предаются святые иконы и церкви, как проливается кровь неповинных, вопиющая к Богу. Вспомните, на кого вы поднимаете оружие: на Бога, создавшего вас, на братьев своих, отечество свое разоряете!».

Взывая к чести служилых людей, Гермоген сообщал, что о бесславном мятеже он записал в патриаршей летописи: «Как бы вам не положить вечного порока и проклятья на себя и на детей ваших».

Но призывы его не нашли отклика в душах изменников, и святитель, видя паству глухой к его словам, замолчал почти на год.

Это время он посвятил трудам по исправлению церковно-богослужебных книг и устройству книгопечатания. По его благословию были изданы Евангелие, Минеи месячные за октябрь (1609), ноябрь (1610) и первые двадцать дней декабря, напечатан Большой Верховный Устав (1610). Патриарх лично наблюдал за исправностью текстов. С греческого языка была переведена служба апостолу Андрею Первозванному и учреждено празднование его памяти в Успенском соборе Кремля. Под наблюдением Предстоятеля в Москве было построено новое «превеликое» здание типографии (оно сгорело в 1611 г.)

Весь год, что тушинский вор продержал в осаде Москву, столица представляла собой безотрадное зрелище. Имя царя Василия Шуйского здесь ничего не значило. По выражению современника, им играли как ребенком. Шуйский то казнил изменников (бояр, впрочем, никогда не трогал), то объявлял, что москвичи могут служить, кому желают. Но бояре, воеводы, служилые люди и без его разрешения бегали в Тушино, целовали там крест Вору, а потом возвращались в Москву

за царевым жалованьем. Между тем польский король Сигизмунд осадил Смоленск, а шведский король Карл за смехотворную помощь против поляков получил от Шуйского в вечное владение Ижорскую землю — единственную полосу принадлежавшего России балтийского берега, которую спустя столетие придется отвоевывать Петру I.

Надежда на спасение блеснула в начале 1610 г., когда князь Скопин-Шуйский выступил из Новгородской земли в поход во главе большого ополчения. Уже через несколько недель он наголову разгромил шайки тушинского вора и освободил от польской осады Троице-Сергиеву лавру. Вор укрылся в Калуге с небольшим отрядом татар и верных ему москвичей.

12 марта 1610 г. Москва встретила победителя хлебом-солью и радостным колокольным звоном. Но всенародная слава молодого героя пришлась по душе не всем. И вот, 23 апреля, после одного из придворных пиров, Михаилу Васильевичу внезапно стало плохо, у него открылось кровотечение, и через две недели он скончался. В народе ходили упорные слухи, что молодого князя отравили.

Со смертью талантливого полководца Россия словно лишилась последней защиты.

Продолжение в следующем номере